

Москва, 1998 год

Сергей Тимофеев, больше известный как Сильвестр, занимает одно из ведущих мест в летописи криминальной истории России последних лет. По своей значимости его имя стоит в одном ряду с именами Япончика и Отари Квантришвили. Кличку «Сильвестр» Сергей Тимофеев получил в 90-е годы. Нередко его также называли «королем беспредела» или «некоронованным Сильвестром». В 90-е годы Сильвестр участвует практически во всех крупных разборках и бандитских войнах, часто присутствует на воровских сходах. Он — инициатор второй бандитской войны в Москве, под его руководством началась борьба против чеченских преступных формирований.

Еще находясь в заключении в Бутырской тюрьме, Сильвестр разрабатывает план, по структуре схожий с гитлеровским планом «блицкриг».

По выходе на свободу он предпринимает попытки объединить все мелкие, враждующие между собой ореховские группировки в монолит, сильную структуру, подобную солнцевской. Его замысел удастся, и Сильвестр становится авторитетным лидером одной из самых могущественных криминальных структур Москвы. Через некоторое время он вступает в борьбу с чеченскими мафиозными формированиями, по его указанию начинают отстреливать чеченских лидеров. Однако вскоре Сильвестр погибает в результате криминальных интриг.

При подготовке книги автор пользовался большой информационной базой, основанной на малоизвестных ранее этапах жизни героя, источниками которой стали личный телохранитель Сильвестра, другие близкие хорошо знавшие его лица, лидер одной из группировок, обвиняемый в организации убийства Сильвестра. Автор также использовал воспоминания известного киллера Солоника о своем протееже.

Однако при анализе собранного материала автор обнаружил много противоречий в информации самих первоисточников. Поэтому при опре-

Валерий КАРЫШЕВ

делении жанра произведения он не случайно выбрал художественный, но с документальной основой. История Сильвестра излагается со слов его телохранителя, бывшего свидетелем всех колоритных и громких этапов биографии криминального авторитета с 1990 по 1994 г. — до момента гибели Сильвестра. События излагаются в остросюжетной детективной форме. Основу произведения составляют три интриги, сыгравшие ключевую роль в судьбе героя.

ГЛАВА 1

ДОПРОС

*Москва, Тверская прокуратура,
18 сентября 1994 года*

Эта история началась пять дней спустя после убийства Сергея Тимофеева, более известного в уголовной среде как Сильвестр. Именно в тот день, 18 сентября, моего клиента Леню Волкова вызвали в Тверскую межрайонную прокуратуру Москвы для допроса в связи с гибелью Сильвестра.

Леня Волков в свои тридцать пять лет был человеком ушлым, успешным уже два раза побывать в зоне и, видимо в связи с этим, прекрасно разбиравшимся во всех тонкостях юриспруденции, точнее, уголовно-процессуального права. Помимо всего прочего, у Лени Волкова было весьма четкое представление о том, что в прокуратуру можно попасть в качестве свидетеля, а остаться там, причем на достаточно долгий срок, в качестве обвиняемого. По этой причине Леня пригласил меня — адвоката и члена Московской коллегии адвокатов — сопровождать его на допрос.

Мы подъехали к зданию прокуратуры к назначенному времени — к пяти часам вечера. Пройдя арку жилого дома, вышли к зданию Тверской прокуратуры, что располагается между Самотечной площадью и Центральным рынком. Зайдя внутрь и поднявшись на второй этаж, легко отыскали нужный кабинет. Леня постучал в дверь. Услышав: «Входите!» — Леня вошел, я следовал за ним.

В небольшой комнате, со стенами, выкрашенными в светло-зеленый цвет, прямо против входа стояло два стола, за которыми сидели два следователя прокуратуры. Около двери располагался третий стол в окружении нескольких стульев.

Леня протянул повестку одному из сидевших за столом. Следователь, молодой человек примерно тридцати лет, внимательно прочел фамилию и обратился к своему коллеге:

— Волков пришел. Это по твоей части! — И протянул повестку второму следователю.

Тот оторвал взгляд от листка бумаги, на котором что-то быстро писал, и пристально взглянул на Ленью. Потом перевел взгляд на меня:

— А вы кто будете?

— Это мой адвокат, — опередил меня Ленья.

— Адвокат? — удивился следователь. — Вам адвокат не положен.

Вы только свидетель пока еще...

Тут в разговор вмешался я:

— Видите ли, товарищ следователь, в уголовно-процессуальном кодексе ничего не сказано по поводу возможности или невозможности присутствия адвоката при контакте его клиента с органами дознания, в случае если этот клиент является свидетелем.

— Позвольте не согласиться с вами, — парировал следователь. — Если ваш клиент станет подозреваемым или обвиняемым — тогда милости просим, ему адвокат в этом случае по закону положен. А пока он свидетель — извините, не могу разрешить вам присутствовать при допросе. Тем более сейчас подъедут товарищи, хорошо знакомые с вашим клиентом...

— Петры, что ли, приедут? — вставил Ленья.

— Да, товарищи с Петровки, — строго поправил следователь. — У них какие-то свои вопросы к вашему клиенту, и они рассчитывают на доверительную беседу, — обратился он ко мне.

Я понимал, что требования следователя были достаточно обоснованны — раз уж имеют место какие-то «игры» Лени с Петровкой — некие доверительные беседы, — я становлюсь здесь человеком лишним.

— Хорошо, — согласился я. — Нет проблем.

Ленья настороженно глянул на меня:

— Подождите пока в коридоре. Если что, так сразу... — Шутка Лени, несмотря на его беспечный тон, получилась неудачной.

Я вышел в коридор, где вдоль унылых стен выстроился жалкий ряд потертых стульев, и сел в ожидании результата. По коридору то и дело сновали люди. В основном это были сотрудники прокуратуры — молодые люди и девушки, вероятно, еще студенты юридических институтов. Иногда появлялись и те, кого вызвали повестками как свидетелей. Их сразу можно было определить по встревоженным лицам и по тому, как плохо ориентировались они в расположении кабинетов.

Вскоре я обратил внимание на двоих мужчин в кожаных куртках, поднявшихся снизу. Легкая оттопыренность их одежды с левой стороны говорила о наличии под нею огнестрельного оружия. Не трудно было до-

гадаться, что это и есть те самые люди с Петровки, о которых упомянул следователь. Поравнявшись со мной, они без стука вошли в кабинет.

Решив не загружать мозги обдумыванием проблемы, суть которой мне не была еще ясна, я раскрыл газету «Коммерсантъ дейли», которую Леня сунул мне перед тем, как выйти из машины. Быстро отыскав раздел уголовной хроники, нашел в ней статью «Расследование убийства преступного авторитета». В глаза бросились следующие строки: «Призрак Сильвестра бродит среди бандитов и милиционеров. В сентябре 1994 года в центре Москвы был взорван «Мерседес-600». В салоне сгоревшей после взрыва машины найден обезображенный труп. Через несколько дней сыщики Московского уголовного розыска объявили, что убит известный авторитет, лидер ореховской группировки Сильвестр, «в миру» — Сергей Тимофеев. Тело погибшего торжественно захоронили на Хованском кладбище. В последний путь Сильвестра провожали свыше 300 авторитетов и воров в законе. А недавно по Москве распространились слухи, что Сергей Тимофеев жив. Сильвестра якобы видели в Одессе в обществе другого авторитета по прозвищу Роспись, а затем встречали в Москве и в Вене. Даже сотрудники МУРа говорят, что «авторитет скорее жив, чем мертв». Теперь припоминают, что в толпе, окружившей взорванный «Мерседес», видели похожего на Сильвестра человека. Он смотрел на милиционеров и улыбался. Дело об убийстве Сергея Тимофеева расследуется Тверской межрайонной прокуратурой».

«Очень интересная информация, — подумалось мне. — Теперь понятно, зачем Леня вручил мне эту газету. Неужели Сильвестр жив? Маловероятно, конечно, но чего только не случается в жизни. Что, если взрыв — это инспирированный ход, чтобы выпасть из поля зрения ментов и бандитов? Вполне возможно при этом, что в недалеком будущем Сильвестр объявится снова. Но для чего ему понадобилось инсценировать свою гибель? Неужели лишь для того, чтоб отсидеться после скандальных историй, в которых он играл главную роль?»

Ладно, нужно дождаться появления Лени. Проанализировав вопросы, заданные ему следователем, можно будет сделать выводы, насколько версия о том, что Сильвестр жив, серьезна».

Минут через сорок дверь кабинета открылась. Леня вышел в сопровождении двух муровских оперативников. «Неужели арестовали? — подумал я. — Да нет, вроде не похоже... Все улыбаются, один похлопывает Леню по плечу, руки пожимают...»

Леня тоже не выглядел огорченным.

— Пошли, все нормально! — сказал он, беря меня под руку.

Мы спустились этажом ниже и вскоре покинули здание прокуратуры. Я уже хотел было задать Лене вертящийся на языке вопрос, когда он предложил:

— Давай посетим одно местечко. Есть тут кабачок неплохой, там и побазарим, а заодно и Иваныча помянем.

Через несколько минут, проехав несколько улочек, мы оказались в небольшом уютном и, по-видимому, довольно дорогим ресторанчике. Ленина охрана — братва, сопровождавшая нас весь путь на синей машине, — осталась на улице охранять наш покой. Мы с Ленией прошли в зал и сели за столик.

— По какому поводу весь этот шум? — спросил я. — Ты под подозрением или вправду проходишь как свидетель? Да и свидетель чего, любопытно узнать?

— Да нет базару! — отмахнулся Лёня. — Я в их телефонную распечатку попал. Просто всех до одного из двадцати человек, с кем Иваныч накануне своей смерти общался, прошмонали и на допрос приволокли.

— Традиционная практика — не удивляйся, — сказал я.

— Это первое. — Лёня налил себе стакан сока. — А второе — вопросы-то для меня с непонятками были...

— Что значит с непонятками?

— Перво-наперво почему-то задают такой — жив ли Иваныч и где может прятаться.

— Как это? Они что ж — не верят, что он погиб?

— Понимаешь, среди братвы сейчас много слухов ходит...

Лёня был в курсе всех слухов, бродивших в криминальных кругах. Он знал практически все «воровское политбюро», со многими авторитетами криминальной Москвы был на короткой ноге. Но у Лёни была своя политика — он держался в тени, старался не высвечиваться, хотя авторитет в криминальном мире им давно уже был завоеван.

— А зубы-то остались? — осторожно спросил я.

— Какие зубы? — не понял Лёня.

— Зубы — его, Сергея Ивановича.

— Что значит остались?

— При взрыве. Они остались? Тело же не до такой степени разорвало. А по зубам точно личность погибшего можно определить.

— А кто определит-то? — лениво заинтересовался Лёня.

— Как кто? Тот, кто эти зубы лечил или вставлял, — терпеливо объяснял я.

— Так он же в Америке все делал! — фыркнул Ленья.

— Так с Америкой тоже связаться можно...

— Ну вообще-то да, — сказал Ленья. — Я и не знал, что по зубам личность человека можно установить!

— Идентифицировать, — поправил я.

— Во-во, — поддакнул Ленья. — А они-то знают? — намекнул он на оперов.

— Думаю, да. А ты что — хочешь им свою помощь предложить? — подел я.

— Ладно, кончай базар, давай Иваныча помянем! — сказал Ленья, наливая в рюмки минеральную воду, — он давно «закодировался» и спиртного не пил. Я тоже не «употреблял», так как был за рулем. К тому же привык, что кто-нибудь из моих клиентов может вызвать меня в любой час дня или ночи. Аресты, задержания и убийства не происходят по графику. Поэтому я уже давно свыкся с ненормированным рабочим днем и старался круглосуточно быть в состоянии повышенной боевой готовности.

Весь вечер Ленья вспоминал о Сергее Ивановиче, уважительно отзываясь о его предусмотрительности, уме, справедливости.

— Если он так умен и предусмотрителен был, отчего ж себя-то не уберег? — подел я Ленью.

— А, жизнь наша коротка, — махнул рукой Ленья. — Никто ни от чего не застрахован. Обидно другое...

— Что?

— А то, что когда «завалили» Отари, братва пришла к Иванычу и говорит: «Иваныч, теперь ты первый, крестный отец. Правь по справедливости, по понятиям и законам!» Так вот: не успел он поправить!

Глаза Лени излучали неподдельную грусть.

— А ты на похоронах был? — поинтересовался я.

— Конечно, был. Народу понаехало — тьма. Сыскари там тоже гоношились...

Нашу с Ленией беседу прервал писк пейджера. Мы одновременно понянулись к поясам.

— Твой или мой? — спросил я.

— Не знаю. — Ленья вытащил пейджер, но оказалось, что заработал мой.

Действительно, на экране светилась звездочка — пришло сообщение. Нажав красную кнопку, я прочел: какой-то неизвестный адресат по фамилии Сергеев оставил свой телефон и просил срочно позвонить. Обращался ко мне по имени-отчеству.

— Кто это? — поинтересовался Ленья. — Наши?

— Скорее всего — нет. Фамилия неизвестная.

— Может, менты? — насторожился он.

— Может... Надо позвонить.

— На, звони, — протянул мне мобильный Ленья, — узнавай.

— Зачем? Чтобы они твой мобильник вычислили?

— Твоя правда, у них определитель может стоять... — согласился Ленья.

— Пойду позвоню от бармена. — Я встал из-за стола и направился к стойке бара с телефоном. Набрал номер, я услышал длинные гудки, почти сразу оборвавшиеся — на том конце сняли трубку.

— Могу ли я услышать Сергеева? — осторожно спросил я.

— Сергеев слушает, — ответил низкий мужской голос.

— Вы мне звонили. — Я назвал себя.

— А-а, здравствуйте, здравствуйте. — В голосе незнакомца Сергеева явно слышалось облегчение. — Вы не могли бы приехать в 138-е отделение милиции? Это очень срочное дело.

— А что случилось? — поинтересовался я.

— Да здесь с вашим клиентом проблемы...

— С каким?

— Александром Циборовским. Это ваш клиент?

— Да, мой. А что с ним? Он жив?

— Приезжайте, поговорим.

— Алло, алло, я вас плохо слышу, сейчас перезвоню! — И я нажал специально на сброс.

Ленья удивленно наблюдал за мной со своего места за столиком. Затем поднялся, подошел к стойке и, заказав себе еще минералки, остановился возле меня, дожидаясь разъяснений.

— Перезвонить просил некий сотрудник 138-го отделения милиции, — пояснил я. — Говорит, задержали моего клиента. Но в принципе менты никогда не звонят, самому приходится вмешиваться в ход дела. А тут вдруг позвонили и попросили подъехать. Странный и непонятный случай.

— Что делать будешь? — спросил Ленья.

— Попробую разобраться. — Я набрал «02». Услышав голос де-

журной, обратился к ней: — Девушка, можно соединить меня со 138-м отделением милиции?

— А что случилось?

— Я сотрудник милиции, не могу дозвониться по своему телефону...

— Соединяю, — сказала девушка.

На несколько секунд в трубке воцарилась тишина, затем прорезался чей-то простуженный голос:

— Дежурный по 138-му отделению милиции старший лейтенант...

— Скажите, пожалуйста, — сказал я, — Александр Циборовский задержан?

— А кто спрашивает? — прохрипел дежурный.

— Я его адвокат.

— Минуту, проверю по журналу. — Я слышал, как дежурный листает страницы. — Да, задержан.

— Скажите, а товарищ Сергеев у вас работает?

— Начальник следственного отдела. Дать его телефон?

— Нет, телефон не нужен, спасибо. — И я положил трубку. Но тут же вновь снял ее и набрал телефон Сергеева.

— Слушаю вас, — услышал уже знакомый мне голос.

— Так что там у вас случилось? — заново представившись, продолжил я прерванный мною разговор.

— У нас с вашим клиентом возникли некоторые проблемы. Короче, вам необходимо приехать. Вы можете это сделать немедленно?

Я ответил утвердительно.

— Адрес знаете?

— Адрес-то я знаю, но ордера у меня нет.

— Ордер и не нужен. Нужно ваше присутствие, — успокоил меня Сергеев.

В который уже раз в моей голове мелькнула мысль о странности происходящего.

Все это время Леня внимательно следил за моими действиями.

— Ну ты даешь! — восхитился он после того, как я закончил свое общение с представителем органов. — Сразу видать — настоящий спец в таких делах: проверяешь, кто звонил, откуда...

— За те годы, что я занимаюсь адвокатской практикой, даже у ежа появятся полезные навыки, — скромно отмахнулся я. — Извини, Леня, но мне придется тебя покинуть — клиент ждет.

Через несколько минут я был уже в пути, направляясь к 138-му отделению милиции.

Валерий КАРЫШЕВ

*Орехово, 18 сентября 1994 года,
15 часов 30 минут*

Александр вышел из подъезда своего дома на Ореховом бульваре, соблюдая все возможные правила предосторожности. Оглядевшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, подошел к своей черной «девятке». Прежде чем сесть за руль, Александр нагнулся и посмотрел под днище, потом открыл дверцу и резко выжал сцепление. Вставив правой рукой ключ зажигания в прорезь замка, не садясь в машину, завел ее. Двигатель начал работать. Прошло несколько минут, все было спокойно. Машина не взорвалась.

«Пронесло на этот раз!» — подумал, садясь за руль.

Переключившись на первую скорость и утопив педаль газа до отказа, Александр рванул с места так, что чуть не врезался в мусорный бак. Распугивая уличных кошек, машина вылетела на бульвар.

«Надо как можно скорее добраться до Солнцева, там не достанут, — вертелось у него в голове. — На встречу с братвой опаздывать не годится. У меня времени — сорок минут. Дорога займет с полчаса, так что пока время есть».

Всю дорогу от Орехова-Борисова к Солнцеву Александр периодически поглядывал в зеркало заднего вида, но никаких подозрительных машин на хвосте пока не замечалось. Александр совсем уже было успокоился, как вдруг его внимание привлек черный «БМВ» с залепленными грязью номерными знаками. Это особенно насторожило его — на улице сухо, последний дождь прошел с неделю назад. «БМВ» явно сел на хвост и двигался практически с той же скоростью, что и его «девятка».

Александр притормозил, «БМВ» тут же сбросил скорость. Затем Александр «притопил» немного, но черная машина уверенно следовала за ним, соблюдая дистанцию, не приближаясь, но и не отставая. Александру стало окончательно ясно, что это «хвост». Оставалось лишь догадываться, кто его ведет — менты или братва.

«Ничего, — подумал Александр, — сейчас оторвемся!» Прибавив скорость, он два раза проскочил на красный свет. После этих маневров «БМВ» отстал. Несколько минут спустя Александр уже сворачивал на Мичуринский проспект. До въезда в Солнцево оставалось несколько километров, и тут в зеркале заднего вида вновь замаячил черный «БМВ», вынырнувший откуда-то справа. Расстояние между «девяткой» Александра и преследовавшей его машиной стало быстро сокращаться.

Через некоторое время обе машины шли уже вровень, и Александр попытался определить, кто сидит за рулем «БМВ». Но тонированные стекла машины были подняты, и разглядеть, что происходит в салоне, оказалось невозможно. Неожиданно стекло задней дверцы поползло вниз, и Александр увидел сидящего внутри автомобиля человека в черном плаще и черном же берете. Лица разглядеть было нельзя, т. к. почти половину его закрывали большие темные очки. Вдруг незнакомец выставил в окно ствол автомата. Александр опешил, поняв, что перед ним киллер, но тут же пришел в себя и резко ударил по тормозам. Машина дернулась, ее занесло и стало швырять в разные стороны. Александр еще раз нажал на тормоза. «Девятка» выскочила на встречную полосу. Он видел, как прямо на него несется вишневая «четверка», за рулем которой сидит молодой парень, а рядом с ним — девушка. Александр даже различал их испуганные глаза. Расстояние между машинами сократилось до минимума, затем последовал мощный удар вишневой «четверки» в бок его машины. «Девятку» занесло, она потеряла управление. Затем ее крутануло и перевернуло.

Наконец «девятка» ударилась о бордюр и замерла в полуперевернутом положении. Как в тумане Александр слышал доносящийся до него визг тормозов, затем звук бьющегося стекла и скрежет покореженного металла — вокруг него продолжали сталкиваться другие машины. Однако первая мысль, посетившая его, когда туман в голове слегка рассеялся, была о том, что он все еще жив. С трудом выбравшись из покореженной «девятки», Александр обнаружил, что зловещий черный «БМВ» стоит невдалеке с включенными аварийными сигналами. Из салона вылез все тот же парень в плаще и в черном берете, с автоматом в руках. Александр мгновенно сориентировался, поняв, что еще несколько секунд — и по нему полоснет автоматная очередь. Молниеносно вытащив из-под мышки пистолет «ТТ», он одним движением взвел курок и открыл огонь в направлении киллера.

Вероятно, первая пуля попала парню в ногу. Он схватился за колено и моментально скрылся в салоне «БМВ». Машина рванула с места и укатила прочь. Тут только Александр почувствовал резкую боль в плече — видать, он повредил его при аварии. К тому же нестерпимо болела голова.

Место происшествия уже обступили испуганные люди. Однако подходить близко никто из них не решался, так как Александр продолжал сжимать в руке пистолет. Убедившись в том, что «БМВ» окончательно

Валерий КАРЫШЕВ

скрылся из виду, он резким движением отбросил ствол в сторону. Садиться в машину не было смысла — от нее осталась практически груда металлолома. Александр сделал шаг вперед, но резкая боль пронзила все его тело. Он снова опустился на асфальт.

Александра обступили люди. Вскоре над ним склонился человек в милицмейской форме. Тут только Александр потерял сознание...

*18 сентября 1994 года,
20 часов 05 минут*

138-е отделение милиции находилось недалеко от Мичуринского проспекта, в Крылатском районе Москвы. Это было типовое двухэтажное блочное здание, затерянное среди жилых высотных домов. Окна первого этажа были закрыты решетками. Недалеко от здания стояло несколько милицмейских «синеглазок», а также обычные легковушки — вероятно, это был «отстойник» машин, числившихся в розыске, и тех, водители которых ездили без документов.

Добравшись до отделения без особых приключений, я припарковал машину и направился в сторону здания. Еще раз мелькнула мысль о том, что сам факт вызова сотрудниками милиции меня, адвоката, к моему клиенту очень подозрителен. Чаще всего ситуация складывается кардинально противоположным образом: когда мы пытаемся разыскать своих клиентов, сотрудники милиции обычно делают все, чтобы мы их не нашли, особенно если те находятся под следствием. Поступая таким образом, менты рассчитывают на то, что клиент, лишившийся контакта с адвокатом, может «расколоться» и им удастся выудить из него информацию, которую в присутствии адвоката получить от задержанного им не удастся.

А тут вдруг менты сами звонят, да еще и приглашают срочно приехать. Поневоле задумаешься, а не провокация ли это?

Подойдя к дежурному, назвав свою фамилию и предъявив удостоверение, я пояснил:

— Мне к Сергееву.

— Второй этаж, шестнадцатый кабинет, — бесстрастно сказал дежурный.

Я поднялся по лестнице со скользкими стертymi ступенями. Проходя мимо кабинетов в поисках нужного мне 16-го номера, я читал надписи на дверях: «Начальник оперативного отдела», «Оперуполномоченные»,

«Следователи». Под цифрой 16 значилось: «Начальник следственного отдела». Я постучал и, не дожидаясь ответа, вошел.

В просторном кабинете за большим столом, заваленным бумагами, сидел мужчина лет сорока пяти, с короткими темными волосами. Рядом лежали какие-то сумки, рюкзаки, автомат без магазина, пистолет без обоймы, традиционные бланки — протоколы допроса, осмотра и другие, характерные для следователей районных отделений милиции. В углу высился древний облупленный сейф, рядом — небольшой телевизор, на сейфе помещалась недорогая стереомагнитола.

Я представился. Сергеев, услышав фамилию, встал и протянул мне руку. На его уставшем лице мелькнуло даже некое подобие улыбки.

— Быстро вы добрались! — сказал он.

— Так ведь дело неотложное, сами говорили. В чем проблема? — поинтересовался я.

— Да проблема в том, что создалась достаточно щекотливая ситуация...

— Какая же? — не мог не поинтересоваться я.

— Задержали мы вашего клиента, как я уже говорил, Александра Циборовского, он ведь ваш клиент? — Сергеев смерил меня испытующим взглядом.

— Да, мой.

— А по какому делу вы его защищали?

— Это вы и без меня можете узнать. Ведь у вас есть специальный вычислительный центр, там и проверяйте. А я уже, представьте себе, забыл, — улыбаясь, ответил я. — Дел невпроворот — разве все упомянуть!

— Понятно. — Сергеев сразу же сменил тему разговора, перейдя к существу возникшей проблемы. — Так вот, задержали мы его на Мичуринском проспекте при странных обстоятельствах. Машину Циборовского — черную «девятку» — обстреляли из «БМВ». Так говорит сам потерпевший, то же показали свидетели. Циборовский, по свидетельству очевидцев, также стрелял, правда, оружия его не нашли. Мы привезли вашего клиента в милицию, стали с ним беседовать, подчеркиваю, просто беседовать — наши сотрудники не применяли по отношению к нему никаких действий. Вдруг неожиданно у господина Циборовского началось что-то вроде истерики: он начал бросаться на наших сотрудников, потом голову себе в камере расшиб — об стены бился. Теперь угрожает, что покончит жизнь самоубийством, если к нему не вызовут его ад-

воката. Вашу фамилию назвал и номер пейджера дал. Мы сочли за лучшее поскорее с вами связаться.

— Да, — согласился я, — интересно... Могу я видеть своего клиента?

— Конечно, — ответил Сергеев. — Я полагаю, именно для этого вы и приехали! — И неуверенно добавил: — К вам просьба большая — постарайтесь как-то успокоить его. Мы ему даже «Скорую» вызвать хотели, но он наотрез отказался общаться с врачами... А вообще, как вы полагаете — ваш клиент способен выполнить свою угрозу?

— Я не настолько близко знаком с ним, чтобы быть уверенным в его поступках, но, насколько понимаю склад его характера, он обычно выполняет свои обещания. Так что исключать возможность самоубийства не советую.

Сергеев помрачнел и пробубнил:

— Этого нам только и не хватало. Я вас очень прошу, переговорите с ним, пусть ничего такого не делает. Мы понять не можем — что на него нашло, ведь против него ничего особенного пока нет. Были показания, что он стрелял, но оружие не нашли. Вы как адвокат разъясните ему. Мы оружие, конечно, ищем... но найдем ли — тоже неизвестно.

— В таком случае почему бы вам не отпустить его?

— Этого мы сделать не можем. Пока он задержан по указу, — объяснил Сергеев. — Пойдемте вниз, — пригласил он, показывая рукой на дверь.

Мы спустились на первый этаж, подошли к тому же дежурному по отделению. Сергеев кивнул ему:

— Открой камеру!

Тот удивленно посмотрел на начальника, потом перевел взгляд на меня:

— Как открыть камеру?

— Открой! Приехал адвокат Циборовского.

Я подошел к камере. Она была закрыта на засов. Сергеев отодвинул засов, открыл дверь и встал позади меня.

В темноте ничего не было видно.

— Циборовский, — сказал в темноту Сергеев. — Приехал твой адвокат.

Какая-то фигура отделилась от стены и подошла ближе. Я увидел лицо Александра. Оно было в крови. Вероятно, об стену он бился не понарошку. В крови были и руки. Следов побоев я не обнаружил — не было заметно ни синяков, ни кровоподтеков, только правый рукав пиджака

был порван и держался буквально на честном слове. Костюм был весь вывалия в пыли, как будто его хозяин катался по земле. Александр дрожал.

— Суки, падлы, — неразборчиво говорил он, зубы его едва ли не лязгали, — они хотят меня завалить!

— Постой, постой, — остановил я его, — уймись и не спеши! — И, повернувшись к Сергееву, спросил: — Можно мне поговорить с ним один на один?

— Да, но только здесь, — сказал Сергеев, отходя немного в сторону. — Мы не можем предоставить вам других условий...

— Хорошо, меня это вполне устраивает.

Когда Сергеев удалился достаточно, я спросил Александра:

— Что случилось? Только спокойно, четко и без лишних эмоций. Времени у нас довольно мало — терпение милиции не безгранично.

— Пусть попить принесут, — попросил Александр.

Я позвал дежурного и передал просьбу. Тот сразу же вернулся со стаканом воды.

Отпив немного, Циборовский продолжил:

— Пять дней назад они взорвали Сильвестра, Сергея Ивановича, — поправился он. — Вчера завалили Культика...

— Кого?

— Ну, Культика. Это правая рука Сильвестра. А сегодня хотели убить меня!

— Кто они? — осторожно спросил я.

— Не знаю — то ли братва, то ли погоны.

— В каком смысле?

— Ну, спецслужбы какие-нибудь...

— А ты-то тут при чем? — удивился я. — Сильвестр и ты...

— Как при чем? Когда на Тверской-Ямской машину взорвали, я ж рядом был!

— Ну и что? — не понимал я.

— Я ж у Иваныча телохранителем работал! — почти закричал Циборовский.

— Как телохранителем? — крайне удивился я, так как об этой ипостаси Циборовского ничего не знал.

— А вы не знали об этом? — в унисон моим мыслям спросил Александр.

— Откуда мне было знать? — автоматически ответил я. — Я тебя

вообще раза два всего видел, сам знаешь. И в свои дела ты меня никогда не посвящал.

— Я думал, вы все же общаетесь с нашими, так что в курсе...

— Да нет, никто ничего мне не говорил, и вообще стараюсь в ваши дела особо не лезть, сам понимаешь — серьезные у вас там отношения.

— Они хотят меня убить! — немного спокойнее произнес Александр.

— А причина для этого есть? — поинтересовался я.

— Даже две: во-первых, я могу знать, кто убил Сергея Ивановича. Во-вторых, они могли подумать, что я тоже имею отношение к его смерти. Я ехал в Солнцево, с братвой встречаться. По дороге меня догнал «БМВ» черного цвета, номер 935.

— Модель какая?

— Пятьсот двадцатая. Из «калаша» меня чуть не пришили. Я отстрелялся.

— Кстати, пушку твою не нашли, — сказал я шепотом, оглянувшись по сторонам.

— Странно — пистолет я там же, на дороге, бросил. Но мне на волю сейчас никак не ломит. Я лучше тут, в ИВС посижу, — так же шепотом ответил Александр.

— И сколько ж ты сидеть собираешься?

— Пока на воле ситуация не прояснится.

— А откуда ты узнаешь, что она прояснилась?

— Я узнаю. Запишите телефон, позвоните кое-кому... — Он продиктовал мне номер телефона. — Ее Верой зовут. Скажите, что я здесь, что в меня стреляли. Она знает, что дальше делать. Кроме нее, никому обо мне ни слова.

— Это не в моих интересах, — успокоил я его.

— Это понятно. Я так... на всякий случай. А теперь скажите ментам, чтоб врача вызвали, только сами не уходите. Хочу, чтоб врач осмотрел меня при вас. И проверьте, чтобы врач был настоящий, а не туфта какая!

— Подозреваешь, врачи могут оказаться туфовыми?

— Могут погоны приехать, врачами переодетые, и меня усыпить.

— Саша, — сказал я ему, — а тебе не кажется, что ты чрезмерно «зашифровался»? Неужели для кого-нибудь ты представляешь настолько большой интерес?

— Сами посудите — две смерти подряд бывают случайными? — Александр опять стал нервничать.

Я решил сменить тему:

— А ты знаешь, что вот тут, в газете, написали... — начал было я. Но Александр прервал меня:

— Вызывайте «Скорую» — я себя плохо чувствую!

Я позвал дежурного и попросил пригласить Сергеева.

— Можно «Скорую» вызвать? — спросил я, как только тот подошел.

— Конечно, — ответил он. — Сейчас!

Отделение милиции я покинул только через два часа, после того как самые что ни на есть настоящие врачи со «Скорой помощи» осмотрели Циборовского и, сделав ему уколы успокоительного, отбыли. Александр оставался в отделении. Я окончательно вымотался. Разговаривать с оперативниками и Сергеевым у меня не было уже ни желания, ни сил. Часы на моей руке показывали час ночи.

Улицы были пустынные. Но, сев в машину, я проанализировал свой разговор с Александром и пришел к выводу, что и меня кто-то может «вести». Всю дорогу я периодически поглядывал в зеркало заднего вида, но ничего подозрительного так и не заметил. Однако первое, что я увидел, въезжая во двор своего дома, был черный «БМВ», стоящий у моего подъезда. В темноте невозможно было разглядеть номера, но можно было с уверенностью сказать, что в машине сидят люди. Такое совпадение показалось мне чрезвычайно странным. «Уж не та ли это «бээмушка», что преследовала Циборовского?» — вспыхнуло в моем мозгу, и я почувствовал, что холодею от страха.

Я сидел в машине, не зная, что делать дальше. Наконец, пересилив себя, открыл дверцу и осторожно вылез наружу. Действий со стороны пассажиров «БМВ» не последовало. Короткий путь от машины к подъезду показался самой длинной в моей жизни дорогой. Наконец я вошел в подъезд и, прислушиваясь к каждому шороху, поднялся на шестой этаж. Открыв дверь своей квартиры ключом, я вошел внутрь.

Захлопнув дверь и не включая свет, первым делом подошел к окну и, отогнув край портьеры, выглянул на улицу. Черный «БМВ» все еще стоял у подъезда.

Был второй час ночи. Я сварил себе кофе, сел в кресло и, отпивая напиток маленькими глоточками, стал размышлять над сложившейся ситуацией. Ситуация была несколько загадочной и явно угрожающей. Пять дней назад взорван в собственной машине лидер ореховской группировки Сильвестр. Через несколько дней убивают его заместителя Культика. Сегодня покушались на жизнь телохранителя Сильвестра

Александра Циборовского. Идет явная охота на людей из ближайшего окружения авторитета.

Параллельно с этим все сильнее муссируются слухи, что сам Сильвестр жив. А если он действительно жив, то, быть может, убийство Куктика и покушение на Циборовского — его рук дело? Что, если он задумал убрать тех людей, которые могут его опознать? Влезать в эти разборки — дело для меня очень опасное, подтверждением чему может служить черная тачка под моим окном. Я не верил в то, что машина, как две капли воды похожая на ту, преследовавшую Александра, оказалась рядом с моим подъездом по странному стечению обстоятельств.

Теперь следует обдумать план предстоящих действий. Прежде всего прояснить обстановку. Для этого надо как можно скорее встретиться с Циборовским и подробно расспросить его.

Мои размышления внезапно были прерваны каким-то звуком, донесшимся со стороны входной двери. Прокравшись по коридору, я остановился перед ней и прислушался. В подъезде явственно слышались чьи-то шаги. Через минуту шаги стихли. Ощущение такое, будто кто-то стоит перед моей дверью с той стороны и выжидает. Кто там стоит, чего он ждет? Меня обуяла паника. «Что делать? Может, вызвать милицию?» — лихорадочно думал я. Вдруг они подложили бомбу или сейчас ворвутся в квартиру и прикончат меня на месте! Было бы не так обидно, если бы я действительно владел какой-нибудь важной информацией, а то ведь погибну практически ни за что. Хотя они же не знают, что мне известно! Может, думают, что я посвящен во все тайны «мадридского двора»! Тем временем за дверью воцарилась полная тишина. А если мне показалось, что там кто-то есть? У страха глаза велики... Я постоял у двери еще несколько минут, но, так ничего и не услышав, решил не паниковать. Немного успокоившись, я лег спать, убеждая себя, что все прояснится и утрясется.

ГЛАВА 2

НА ПЕТРОВКЕ

На следующее утро, около десяти часов, я уже переступил порог 138-го отделения милиции. Но тут меня подстерегала неожиданность — ни Александра, ни Сергеева в отделении не было. Александра, как объяснил дежурный по отделению, вывезли еще ночью в неизвестном направлении какие-то оперативники. Сергеев уехал на совещание в мун-

ципальный округ. Мне ничего не оставалось, как дожидаться возвращения начальника следственного отдела.

Часа через полтора Сергеев появился в отделении. Я сразу поднялся к нему в кабинет.

— Куда вывезли моего клиента? — поздоровавшись, спросил я.

— Вчера ночью люди с Петровки приезжали, забрали Циборовского к себе, в ИВС.

— Но ведь дело-то числится за вами?

— Пока за мной, — бесстрастно ответил Сергеев. — Но, возможно, они что-нибудь еще на него накопают.

— А почему его увезли на Петровку? Так ли уж необходимо держать Циборовского именно там? — продолжал я расспросы.

— У нас нет питания, плохие условия содержания. Здесь людей больше двух суток держать нельзя, ну, максимум — трое. Поэтому всех задержанных мы направляем в ИВС. Там все-таки условия получше. — В голосе Сергеева я уловил слабую нотку оправдания.

Меня его объяснения совершенно не успокоили, скорее наоборот — они показались мне очень сомнительными.

— Хорошо, — сказала я, — поскольку дело ведете вы, дайте мне разрешение на встречу с моим клиентом.

— Пожалуйста! — Сергеев тут же сел за компьютер печатать разрешение.

Через несколько минут я уже ехал на Петровку, 38. Прибыв на место, оформил через дежурного допуск на встречу с Александром.

ИВС находился во внутреннем дворе громадного здания Петровки, 38, где одновременно находятся и Главное управление внутренних дел, и несколько подразделений — в том числе уголовный розыск — Управления по борьбе с экономическими преступлениями, бывшего ОБХСС.

Я протянул в окошко пропусков свое удостоверение и попросил выписать мне пропуск в изолятор временного содержания. Но женщина, сидящая за окном, спросила:

— А вы звонили сюда, узнавали — здесь ли ваш клиент?

— Нет, — сказал я, — но в Крылатском, в 138-м отделении, мне сказали, что его повезли именно сюда.

— На всякий случай проверьте, — посоветовала женщина.

Я подошел к телефону внутренней связи, набрал номер изолятора. Назвав себя, попросил узнать у дежурного, содержится ли у них подследственный Циборовский Александр.

— Как вы сказали? — переспросил дежурный. — Циборовский? Сейчас проверю... — на минуту в трубке повисла тишина, затем вновь послышался голос дежурного: — Нет такого.

— Как это нет? — моему удивлению не было границ. — Его же вчера привезли!

— Не знаю. По книге он у нас не проходит, — безапелляционно заявил дежурный.

— А могут его просто без книги...

— Нет, такое исключено, — не дослушав, ответил тот.

— Как мне узнать, где мой клиент?

— Обращайтесь к начальнику следственного отдела в том районе, откуда его должны были привезти.

Сергееву я и сам позвонить догадался бы, другой же информацией дежурный со мной поделиться не захотел.

Я вышел на улицу. Получалось что-то совсем непонятное. Александра совершенно точно вывезли из 138-го отделения и должны были привезти сюда. Но здесь его нет. Может, Циборовский не зря паниковал — что, если его убрали по дороге? Сделать это проще простого: инсценируют попытку к бегству — и концов не найдешь никогда. Единственное, что можно было сделать в этой ситуации, — связаться с Сергеевым и попытаться выведать что-нибудь у него.

Дойдя до ближайшего телефона-автомата, я вновь набрал номер начальника следственного отдела.

— Слушаю! — раздался в трубке знакомый голос Сергеева.

Я коротко изложил суть дела.

— Вообще-то, я не обязан делиться с вами никакой информацией, — сказал Сергеев, — но учитывая то, что вы пошли мне навстречу, когда я вас просил, постараюсь узнать что-нибудь через оперативников, которые забирали вашего подопечного. Попробую выяснить — где он. перезвоните мне минут через десять.

Десять минут показались мне несколькими часами. Я ходил по Петровке взад и вперед. Наконец время истекло, и я снова набрал номер Сергеева.

— Я все выяснил! — В голосе Сергеева мне послышалось облегчение. — Ваш подопечный там. Просто его зарегистрировать не успели.

— Ну что ж, спасибо, — ответил я. — Спасибо. Сейчас перезвоню и уточню. Надеюсь, ваша информация окажется правильной.

— Не сомневайтесь! — заверил Сергеев.

Набрав номер ИВС, я вновь попросил дежурного проверить, содержится ли у них Александр Циборовский.

— Да, да, только что доставили! — на этот раз ответил он.

Странно! Где же Александр был все это время?

Выписав документы, я подошел к ограде. Еще давно, при прежнем начальнике ГУВД, была издана инструкция, гласящая, что все лица, посещающие Петровку, 38, непременно должны сопровождаться сотрудником, который их вызывает или которого они посещают. Эта инструкция не распространялась только на сотрудников, работающих в системе МВД. Поэтому мне пришлось ждать человека, который должен был проводить меня в ИВС. Скоро появился сержант, с которым мы молча прошли по двору Петровки и приблизились к зданию, выкрашенному в желтый цвет. Обойдя цветочные клумбы и нырнув в арку, мы оказались около квадратной четырехэтажной постройки. Это и был ИВС.

Я подошел к дежурному и предъявил документы — разрешение, подписанное начальником следственного отдела Сергеевым, и свое удостоверение. Дежурный выдал металлический жетон:

— Поднимайтесь на второй этаж. Сейчас туда доставят вашего подопечного.

На втором этаже я заполнил карточку вызова заключенного. Ждать пришлось недолго — вскоре привели Александра. Он был спокоен. Его поведение резко отличалось от вчерашнего. Никаких следов насилия я не заметил, только глаза были красными и слегка отекали — видать, не спал всю ночь, бедолага.

Я поздоровался и спросил его о самочувствии.

— Более-менее нормально, — ответил Александр.

— Тебя не били?

— Нет, не били.

— А почему и когда тебя сюда вывезли?

— Как только вы ушли, прискакали опера с Петровки. Сначала допрашивали у Сергеева в кабинете. Затем привезли сюда. Опять допрашивали, всю ночь. Записывали что-то...

— Куда записывали? — поинтересовался я.

— На магнитофон и на видео.

— Ты признался в чем-нибудь?

— Нет. В чем мне признаваться? — удивился Александр. — Только какие-то чумные все эти допросы...

— В каком смысле?

— Они совершенно не касаются меня и происшествия, из-за которого я попал в милицию. Менты даже не спросили, стрелял я или нет. В общем, их не интересовало ничего касательно меня лично.

— А что же их интересовало?

— Им нужно было все знать о человеке, которого я охранял.

— Какого рода вопросы они задавали тебе относительно Сергея Ивановича? — снова спросил я.

— Вопросов было слишком много — все сразу не передам.

Тут я вспомнил о своем вчерашнем приключении.

— Слушай, — сказал я, — вчера ты, наверное, загрузил меня своими рассказами, но вечером у своего подъезда я видел черный «БМВ», точь-в-точь такой, как ты описывал. Как думаешь, это могли быть те же люди, что напали на тебя?

— Какой номер у машины? — насторожился Александр.

— Темно было, номера я не разглядел...

— Это и не важно, — прервал меня Циборовский. — Номера и сменить можно. Что дальше было?

— Да в том и дело, что ничего не было. Показалось мне, правда, что кто-то стоял возле моей двери, но ведь и померещиться могло. Я дверь не открывал...

— Знаете, — сказал Александр, — тут тоже что-то странное творится. Камеры все переполнены, но я сижу в одиночке. Понимаете?

— Ну это не настолько из ряда вон выходящий случай. Хотя такое отношение к заключенным у них практикуется довольно редко. Ты сам по этому поводу что думаешь?

— Вы что, не понимаете? Меня же могут повесить или по-другому как-то убрать и инсценировать самоубийство! — выдал Александр.

— Прекрати выдумывать всякие ужасы! — прикрикнул я. — Но на всякий случай сейчас же напиши заявление на мое имя — хоть как-то себя обезопасишь.

— Какое еще заявление? — заинтересовался Циборовский.

— Напишешь, что не собираешься кончать жизнь самоубийством.

А я это заявление, если что...

— Ну, спасибо за заботу! — грустно улыбнулся Александр.

— Только растолкуй мне, почему считаешь, что тебе что-то угрожает? У тебя есть какая-то важная информация? Ты посвящен в какие-нибудь секреты? — задал я тревоживший меня вопрос.

— Секреты не секреты, а знаю я и вправду ништяк...

— Честно говоря, не понимаю, как ты оказался в телохранителях у Сергея Ивановича? Ты ведь, кажется, даже нездешний? Насколько я помню — из Владивостока?

— Эта канитель началась три года назад... — сказал Александр. — Если хотите, я могу рассказать вам все по порядку...

ГЛАВА 3

ПОГОНЯ

Владивосток, 1991 год, июль

Три года назад я еще жил во Владивостоке, куда наша семья переехала из небольшого городка Кавалерово, где я родился и вырос. Детство мое было обычным. Да в нашем городке вообще редко случалось что-то особенное. Во Владивосток мы перебрались, когда я учился в восьмом классе.

Было у меня два друга — Славка и Вадик. Вместе занимались спортом: ходили в секции борьбы, бокса. Вместе дрались, как все пацаны — улица на улицу, выясняли отношения. Из нас троих самым ловким был Славка... Хоть ростом и не вышел — не в пример мне. С Вадиком мы позже спортом стали заниматься всерьез, боксом и борьбой особенно, а Славка бросил... Он большей частью на улице пропадал, ну, однажды и влип — ввязался в какую-то драку, попал в колонию для несовершеннолетних. Дали ему немного — год или полтора. Он отсидел, вышел... Мы с Вадькой тогда еще школу заканчивали. На воле Славка гулял недолго — полгода, может, а то и меньше, потом его снова замели, уж не помню за что, кажется, за нанесение тяжких телесных повреждений.

Пока Славка сидел, нас с Вадимом в армию забрали. Служили мы, правда, в разных местах: я в Тюмени, в строительных войсках, а он на погранзаставе, на Амуре. Когда со службы вернулись, Славка был уже на свободе. В армии ему служить было не положено, на работу устроиться он не мог из-за своих судимостей, вот и пошел в личную охрану к какому-то владивостокскому авторитету.

Мы с Вадимом устроились на работу: он на завод, я портовым грузчиком. Через некоторое время сестра Вадика, она в Москве училась, вышла там замуж и написала брату, что может помочь ему на работу в Москве устроиться. Вскоре мой дружбан уехал.

Со Славкой мы время от времени встречались. Он все еще отирался в банде того авторитета, но ничего серьезного за ним не числилось. Так, на какие-то стрелки ездил, сопровождал кого-то, с бандитами тусовался...

Но однажды Славка зашел ко мне на работу и вдруг пригласил к себе, вроде как в гости. Он тогда квартиру снимал, однокомнатную, и тачка у него уже была, не бог весть какая, но своя. Пришел я к нему, побазарили о том о сем. Потом он мне вдруг говорит:

— Сашок, помоги мне сегодня одно дело провернуть...

— Что за дело? — спросил я.

— Дело, брат, важное и ответственное. Один не справлюсь — помощник нужен, а кроме тебя я никому доверять не могу. Из старых друзей только ты у меня и остался.

Я даже раздумывать особенно не стал — друг все-таки, раз просит — нужно помочь. Расспрашивать, что за дело такое, времени не было. Вышли мы на улицу, сели в его «копейку» и поехали к одному его знакомому. Это он сказал, что к знакомому...

Подъехали к частному дому. Вокруг забор высоченный бетонный. Мы со Славкой вошли в калитку — а там две здоровенные овчарки на цепи. Лихие, думаю, у Славика знакомые. Вышел из дома мужик — немолодой, где-то под полтинник. Мне он сразу не понравился: какой-то скользкий, внешность неприятная — нос с горбинкой, брови черные, густые и взгляд бегающий, колючий. Мужик на меня посмотрел и у Славки спрашивает:

— А это кто?

— Это мой кореш, — отвечает Славка.

— А что ему тут надо? — Я мужику, видно, сразу не понравился.

— Он меня сопровождать будет. Дело-то важное! — объясняет Славка.

— А ему доверять-то можно? — спрашивает мужик.

— Я ему как себе доверяю! — польстил Славка моему самолюбию.

— Ну, смотри, корень! Если что — проблемы твои. Теперь пошли в дом!

Мы вошли. На первом этаже, в большом холле, сидели еще двое мужиков, внешность у них была явно уголовная. Один пострижен наголо, у другого на руке синяя татуировка. Возле их ног стояли две большие сумки.

— Ну вот, Славка, — сказал хозяин дома, — это твой груз. Забирай! Дать тебе охрану? — Он показал глазами на людей, сидящих у камина.

СОДЕРЖАНИЕ

СИЛЬВЕСТР	5
ОТАРИ.	279
МАНСУР	645